

ЖУРАВЛИ АЛЕКСЕЯ БАТАЛОВА

Есть актеры насквозь положительные, располагающие, вызывающие симпатии зрителей с первого своего появления на сцене или экране. Таков народный артист СССР Алексей Владимирович Баталов. Вчера ему исполнилось 60 лет.

Кинофильмы с его участием — «Летят журавли», «Девять дней одного года», «Дело Румянцева», «Бег» — давно уже стали частью нашей культуры, своеобразной визитной карточкой советского кинематографа. Примечательно, что, исполняя роли в произведениях русской классики, артист всегда современен, понятен и близок зрителям, которые видят в нем прежде всего живого человека.

Популярному артисту не приходится жаловаться на отсутствие предложений, но А. Баталов не спешит сниматься. Вот если, как он говорит, «подвернется что-то действительно интересное, вроде роли в фильме «Москва слезам не верит», тогда стоит все бросить, крутиться, работать по ночам...».

— Алексей Владимирович, вы из семьи мхатовских актеров, в какой мере это определило выбор профессии?

— Вы знаете, ведь наша семья жила в театре и в переносном, и в прямом смысле. Поэтому мое представление о театре было, если угодно, детским представлением об устройстве мира. Это трудно объяснить, но заргированные актеры — это было привычное явление ежедневной жизни, а увидеть пешеходов или извозчика (тогда они еще были на улице Горького) — это был праздник. Мне казалось тогда, что все, достигшие взрослого возраста, поступают работать во МХАТ. Поэтому то, что и я буду там работать — в качестве ли декоратора, режиссера, актера, — казалось абсолютно очевидным. В силу, повторю, судьбы. Никаких наитий, просветлений — ничего такого не было. Думаю, что если бы вы попали в те же обстоятельства, то с вами была бы та же история.

— Как вы относитесь к пространственному в искусстве явлению, когда дети артистов идут по стопам родителей? Не гарантирует ли родословная в таких случаях им незаслуженные привилегии?

— Вы сейчас задели очень серьезную, болезную тему. Все правда. Но ведь они и по существу имеют преимущество, раньше других приобщаясь к искусству. Если я с детства вокруг сцены болтаюсь, все это вижу, то у меня на самом деле есть преимущество, понимаете? Возьмите детей цирковых артистов, которые с шести лет работают наравне со взрослыми. А юные певцы? А скрипачи, которых, включая Паганини, муштровали с детских лет?

Но есть и блатное преимущество. Я думаю, освободить места, которые занимают люди не по своим способностям, — гораздо важнее. А тут будет немало не только детей артистов, а по звонку устроенных детей и род-

ше мнение как преподавателя ВГИКа?

— Я вам честно скажу: думаю, что нужна коренная перестройка всего процесса обучения актеров и режиссеров налад, если так можно выразиться, индивидуально — штучной работы. Никому в голову не приходит, что у нас при общем производстве актеров очень мало прекрасных, современно подготовленных представителей этого цеха. Зрителю и нам с вами, между прочим, нужны не те, кто имеет диплом об актерском образовании, а те, на кого мы смотрим с волнением и интересом.

— Алексей Владимирович, поговорим о вашем творчестве.

— О каком творчестве, я уже давно не снимаюсь.

— Если проследить ваши работы в кино в хронологическом порядке, то можно прийти к выводу, что удачи следовали одна за другой. Так ли это или все-таки были и «проколы»?

— На мой взгляд, вообще все из заклеенных проколов состоит, но это характер у меня такой. Где-то у мамы в чемодане лежат старые пожелтевшие рецензии. Если бы вы их прочитали, то узнали бы, что все картины, в которых я играл, все мои роли очень ругали поначалу.

После выхода фильма «Летят журавли» полгода в центральных газетах писали, что эта картина безыдейная, так как в ней женщина изменяет солдату. Обвинение по тем временам нешуточное. «Дама с собачкой» обругана солидным и почитаемым тогда критиком в журнале «Искус-

ство кино». Меня упрекали в том, что сыгранный мною в «Беге» Голубков получился отрицательным, а не положительным. «Москва слезам не верит» — это «пошлость, голливудское жульничество». Все абсолютно говорили о моем герое: таких не бывает. Но у меня есть письмо, где написано: вы сыграли мою судьбу, живого человека. Что ж, я буду это письмо предъявлять? Последняя формулировка критики в адрес фильма — уже после присуждения ему «Оскара»: это феномен, в котором надо разобраться.

Так что предположения о постоянной удачливости, ощущении благополучия не соответствуют действительности. Я вспоминаю, как страдали Калатозов, Урусевский, которые вложили в фильм «Летят журавли» такую меру таланта, честности, души, что, может быть, мои актерские переживания были гораздо меньшими. Ромм, которому предсказали на художественных советах полный провал картины «Девять дней одного года», из которой вырезали к тому же лучшую сцену, боролся за фильм самоотверженно.

Во всяком случае, вспоминаю теперь калатозовские «Летят журавли», и мне кажется: не совсем верно поговорка, что журавль в небе все же лучше...

— Интересно, каково ваше личное отношение к критике?

— Я думаю, что критика и вы, журналисты, выполняете функции зеркала. И поймите меня правильно, зеркало — очень нужная вещь, а актеру и женщине

особенно. Ведь актер или режиссер могут иметь самые хорошие намерения, а картина или роль не получится, зритель не поймет. В таких случаях очень важен профессиональный разбор. Неприятно читать? Это другой вопрос. Но ведь видеть, что у тебя появились морщины или зуб выпал, тоже неприятно, но лучше об этом знать.

— Мне кажется, вы относитесь к тем актерам, которым грим, костюм не так уж важны, которые имеют право говорить со зрителем «от себя», не прячась за внешнюю характерность.

— Вы знаете, я просто считаю, что кино настолько близко к лицу, глазам, что на каких-то «штуках» не проедешь, зритель быстро тебя раскусит. Конечно, я всячески стараюсь и внешне походить на персонаж, но вы правы — главный расчет на друзей.

— А теперь, если не возражаете, вопрос личного плана. Быует мнение, что киношники хорошо зарабатывают. Какова, если не секрет, ваша зарплата?

— С последней картины пять лет прошло. Разложите мой заработок по фильму «Зонтик для новобрачных» на это время — это будет смешная цифра. В кино все зависит от того, как вы работаете. Бывает у актера одна на другую картины «накладываются» — тут можно говорить и о зарботке. А вообще-то, серьезно говоря, наши актеры пока что получают в десятки раз меньше, чем актеры социалистических стран, уж не говоря о капиталистических. Общесредние

показатели ничего не скажут, поверьте мне. Потому что большинство актеров снимается редко и в маленьких ролях. Вообще-то моя ставка: 50 рублей съемочный день. Эту сумму вы умножаете на съемочные дни — получаете цену роли. На работу в картину «Москва слезам не верит» ушло дней 15—20. Заработал около тысячи рублей.

— Читателям газеты было бы интересно узнать о вашей семье.

— Пожалуйста. Жена — потомственная цирковая актриса, трудовой стаж зарабатывала с 9 лет, сейчас уже на пенсии. Две дочки, одна взрослая — окончила институт иностранных языков, работает по специальности. Вторая — школьница, куда она будет поступать, решать ей самой.

— И последний вопрос, как всегда: планы?

— Планов много. На радио, в частности, к которому я очень серьезно отношусь уже более 15 лет. Есть курс во ВГИКе, который я считаю своим долгом доучить, все мои ребята были посланы на учебу из Азербайджана. Есть литературные занятия. Возможно, будут актерские или режиссерские работы.

60 лет — это 60 лет. Поэтому недавно и подал заявление об освобождении меня от обязанностей секретаря Союза кинематографистов. Я думаю, что секретарь должен быть столь молод и силен, сколь это нужно для создания молодого нового кино.

Беседу вел
И. ЛОГВИНОВ.